

Николай Погребняк г. Новокузнецк

Наташкин дневник

– Галя, здравствуй!

– Коля?! Неужели это ты?! – оглянувшись на оклик и взглядевшись, громко и радостно воскликнула женщина, деловито шедшая вдоль поезда, только что прибывшего из Кисловодска.

– Коля, дорогой, как я рада видеть тебя! – с восклицанием, нет, сильнее, – с радостным воплем бросилась она на шею; при этом её пустое ведро со всего маху треснуло меня под лопатку. – Ой, сколько лет мы не виделись?! Лет пятнадцать, не меньше! – затараторила она, отступив на шаг и беззастенчиво разглядывая меня. Пред её взором предстал стареющий мужчина с профессорской бородкой и поавторитетневший на... не стану уточнять, на сколько килограммов.

Галя же ничуть не изменилась, как была стройной, порхающей болтушкой-веселушкой, так и осталась. Пожалуй, только взгляд повзрослел.

– Ты кого-нибудь встречаешь здесь? – спросил я.

– Да нет, пришла к поезду купить вишни. Раньше никогда не ходила, а тут как будто кто позвал... вот и встретились. А ты, вижу, приехал с юга, – был в отпуске?

– В отпуске. Только не на море, а в дерев-

не у родителей. Дом им снаружи подштукатурил, побелил, да к зиме...

– Как я рада! Ведь как вы переехали, я ни адреса, ни телефона ни у кого не могла узнать, а потом и мы переехали, – весело перебила меня Галя. – Ты не торопишься?

– Нет, но чем мешать людям здесь на перроне, или так, наскоком, пока мой поезд стоит на перроне, приезжай лучше к нам в гости, мы с Верой будем очень рады.

Обменявшись адресами и номерами телефонов, мы расстались. Расстались, чтобы вскоре встретиться. Так, волею случая возобновилось наше старинное знакомство. Много воды утекло с той поры, мы живём в другом городе, а увидел Галю – как будто вчера расстались.

Когда приехалажданая гостья, началось: «А помнишь?! А слышала?..»

– Коля, ты не знаешь, с кем из церковной молодёжи в свои последние месяцы общалась Наташка? – когда мы углубились в воспоминаниях до середины девяностых годов, спросила Галя.

Середина девяностых – невероятно трудная и в то же время чрезвычайно интересная тогда была жизнь. Неистовые девяностые!

– Из ваших церковных она ни с кем не общалась, но я помогал её маме с похоронами, и она давала почитать дневник своей дочери, – ответил я, а сам подумал, что с тех пор почти не вспоминал про Наташку. Не Наташу, не Наталью, а именно Наташку, полную противоречий чудную девчонку Наташку.

– Ой! Как бы и я хотела увидеть тот дневник, – вспыхнула, но сразу же угасла, обмякла Галина. Погрузилась в себя наша Галка – бойкая женщина, закалённая трудностями жизни. Как она иронично говорит о себе: женщина с замороженной молодостью.

Видя резкую перемену настроения, я было подумал, что понимаю почему: сколько бы лет не прошло, ни радость, ни тем более причиненная душевная боль не исчезают бесследно. Текущие житейские хлопоты

могут припорошить память, но стоит дунуть ветру воспоминаний, и вот они – верушки «каменной» былых переживаний.

– А зачем тебе – ради удовлетворения своего бабьего любопытства?

– Не обижай меня, ведь она – её слова и дела оставили в моей жизни очень глубокий след. Я тогда не понимала, насколько глубокий.

– Извини, пожалуйста, за глупый вопрос! Дневника, конечно, у меня нет, но, прочитав, я тогда сделал для себя краткий конспект. Сейчас отсканирую листочки и распечатаю для тебя.

Дальше по традициям литературного жанра должен появиться пыльный чердак и с трудом найденный в сундуке (желательно, на самом дне сундука) блокнот и прочая экзотика. Но ничего такого не было. Оставив Галю и свою жену, Веру, пощebetать о своём, о женском, я вышел в другую комнату. Быстро нашёл в книжном шкафу нужную папку-скоросшиватель и достал из неё мультифору с литературными заметками о Наташке.

У меня в руках – пожелтевшие листы дешёвой бумаги с напечатанным на машинке текстом. Перелистываю их, глаза пробегают по страницам, но душа не рвётся читать. Вместо чтения – воспоминания. Даже про сканирование забыл.

Как уже сказал, дело было в середине девяностых. Люди постарше помнят, как тогда мы всей страной не получали зарплаты, как жили на одной лапше, разбавляя её тем, что не успели спереть с наших дачных участков «добрые люди». И вот в ту «золотую пору» в протестантскую церковь, в которую зазвала Галя её подруга, приехал из Америки некий миссионер и предложил организовать центр реабилитации наркоманов и алкоголиков. Пастырь и епископ тут же согласились, подсобрали денег (сумму, равную примерно полутора тысячам долларов – по тем временам казалось, что это большие деньги), за мизерную зарплату призвали троих прихожан для работы в этом так называемом Центре и привели

с улицы шестерых наркоманов – четырёх парней и двух девушек. Ни помещений, ни даже средств на пропитание у них не было, поэтому перебивались натуральными жертвованиями членов церкви. Для парней сняли комнату, а девушек пустила к себе наша Галя-Галочка (мы с ней познакомились и подружились уже позже). Как объяснил ей пастырь, тех девушек надо пустить к себе ради странноприимства. Естественно, вскоре авантюра развалилась, наркоманы разбежались, работников уволили, а Галя хватилась – украдены все зимние вещи, всё, что было поновее.

Что на это сказать? Если с грустной иронией, то наркоманы обворовали её ещё милостиво, не всё вынесли из дома: так сказать, «отблагодарили» за гостеприимство и хлеб-соль. Но то были наркоманы, а как назвать церковнослужителей, втянувших людей в такую авантюру?..

Старые листочки всколыхнули душу, я и сам не заметил, как погрузился в чтение.

«Мы верим» – так Наташка назвала свой дневник. Название дневника звучит обнадеживающе. Звучало...

Вспомнились, как будто всплыли пред глазами старательные буквы на обложке дневника: тонкой школьной тетрадки в клеточку, по контуру обведенные красной пастой.

«15 октября». Так получилось по милости Божьей, что я здесь, в Программе. Когда дошла до края, когда ничего уже не приходило в голову, как покончить со своей никчемной жизнью, я оказалась здесь.

Я искала любви везде и по-всякому, но не нашла. Не нашла! Хотела заглушить боль души наркотиками, но вскоре получила новые боли, моральные и физические. Тогда решила заработать много денег, чтобы красиво выглядеть: может, в этом счастье? Но вышло так, что все деньги ушли на то, чтобы колоться.

Два раза лечилась в наркодиспансере. Претерпевала ломку, но оставалась психическая зависимость, и голос внутри говорил, что нет спасения. Чтобы забыть кайф,

нужно отрубить себе голову, тогда точно не будешь об этом думать. Когда выходила из больницы, ласковый голосок внутри внушал: «Вспомни, как было здорово! Тем более с одного раза с тобой ничего не случится. Вспомни всё, ведь это твоя судьба», и я снова и снова поддавалась на обман. Так или иначе, но всё шло к смерти. После очередного... приходила домой и плакала в отчаянии, но что-то удерживало, не давало покончить с собой. И я стала откладывать своё решение: всё, завтра точно. Но пока промотаешься в поисках, день уходит и снова на завтра...» – так Наташка начала свой дневник – небольшой по объёму, но так много вместивший в себя – целую жизнь.

Может, кому из читателей и не понравится, что я отвлекаюсь, не цитирую дневник полностью, – увы, как сам перечитывал его с остановками, с размышлениями, так и цитирую.

Для кого она писала – для себя или для посторонних глаз? Наверное, для себя, но и для других, как некую апологию. Апологию даже не столько за себя, сколько за сотни тысяч юношей и девушек, в те годы наполнивших своими телами кладбища нашей страны. Если не так, то не только не стоит, а даже преступно обнародовать её мысли, её переживания.

Итак, апология! Решено, вовлекаю вас, уважаемые читатели, в стихию эмоций, мечтаний и неразберихи, творившихся в голове и сердце героини рассказа. В её суждения, взятые, с одной стороны, из горького жизненного опыта, а с другой – из проповедей, услышанных в той протестантской церкви.

«21 октября. Господь услышал мои мольбы о смерти, я говорила: «Господи, возьми меня, в смысле на тот свет» – и Он взял, только не в смерть, а к Себе. Может, не хотел, чтобы я пошла в ад. Спасибо Господу Богу! Он свел меня с людьми, которые привели меня в церковь и в Программу. Если бы не Бог, я бы даже ломку не выдержала, сразу ушла бы. Но мы молились, и её

как таковой не было. Дьявол тоже не дремал, он нагнетал воспоминания и желания, чтобы увести назад, в грех и в смерть, но у Бога, видимо, всё же есть план для меня, поэтому я здесь, я осталась...

Теперь расскажу о своей жизни в Программе (в центре реабилитации). Уже больше двух месяцев как я молюсь, но ещё не очень хорошо получается – в основном языком говорю, а сестра из церкви учит, чтобы уста от сердца говорили. По мирской музыке и телевизору сильно скучаю: не считаю, что мне это может помешать. Курить не курю, материться не матерюсь – слава Богу. Даже не ругаюсь, сердиться приходится иногда, но быстро остываю. Чувствую конкретные изменения и на самом деле думаю, что всё это заслуга Духа Святого. Аллилуйя! Всё так же крашусь (как в миру), но здесь некого привлекать, просто осталась привычка к макияжу и желание одеваться по своим вкусам. Шутки остались, иногда за них мне стыдно перед братьями и сёстрами в церкви. Всё это я записываю, чтобы увидеть изменения во мне.

У меня в церкви чудесные сёстры и братья, но в голову лезут всякие мысли: да вот они... или да вот ты... Грешные мысли.

С сегодняшнего дня я решила делиться с Господом всем, даже тайным, тем более что Он и так всё видит и слышит, что бы я ни думала. Я люблю Бога, но на втором месте (мне нравится...). Буду и дальше вести дневник, а сейчас откровенный разговор с Богом (молитва), во всяком случае, я на это настроена.

24 октября. Сегодня не было занятий. Потом взяла и обиделась на всех, и было так плохо, и я не пошла на вечернее служение в церковь. Хочу побыть с Богом, Он у меня единственный друг, Который выслушивает и воспринимает меня такой, какая есть. Оставшись одна, поняла, что только Он не оставил меня из-за моего психа. Почувствовала Его тепло и начала понимать, что начинаю Его любить всё крепче и крепче, и меня это не пугает, а радует. Он меня не бросит, что бы ни случилось.

В последнее время мне стало страшно общаться с кем-либо. Шутки мои неуместны, и к братьям я не имею права подходить – так нам сказал директор Программы. Я с этим не согласна, ведь я подходила поговорить без всяких таких мыслей».

Посмотрите, какие разные настроения! Сначала я читал Наташкин дневник и радовался – радовался, даже зная, что произошло потом, в конце. Так было заразительно настроение Наташки 21 октября. Но прошло три дня, и уже одиночество и унылое нытьё.

По вере ли была её жизнь? Нет. И дело вовсе не в перемене настроения, а в хрупкости взаимоотношений и с людьми, и с Богом. Пока Господь готов терпеть и принимать её такой, какая она есть, – согласна быть верующей и даже питать к Богу некое нежное чувство, но как только Господь воззвал: «Освятитесь, ибо Я свят!»...

Четвёртая и, к сожалению, последняя запись была сделана спустя месяц.

«28 ноября. Как и думала, что, перечитав свою писанину, надолго отобью желание писать. У меня и сейчас его нет, но чувствую, что надо.

Как рано я обрадовалась добрым переменам, но стоило бросить читать Библию и молиться, как сразу же поняла, что не смогу идти “узким путём”. Думала, что самоконтроля и силы воли хватит, но, Боже мой! Я спохватилась слишком поздно!

Сначала дьявол (а может, моя похоть, не знаю) предложил посмотреть телевизор – я смотрела всё подряд – “ела его глазами”; тем более что мы жили на квартире у Гали и телевизор был под рукой. Появились мысли о том, что всё-таки там, в миру, здорово. Стоило мне разоблачить, что телевизор делает работу сатаны и помолиться, пришло следующее испытание. Занятия у нас прекратились, появилось много времени, а телевизор не хочу. И тогда, подловив момент, дьявол подослал мне парня, ушедшего из мужской Программы. Он позвонил. Когда я выглянула в подъезд, парень сидел у окошка, делал себе укол и не мог, все вены по-

пробивал. Может, ждал, что и я захочу, но у меня обратная реакция – такая неприязнь, как он посмел прийти и дразнить?! Потом он попросил уколоть его, не знаю зачем, но я согласилась и потом об этом сильно пожалела. Вечером в памяти чувственно ощущалась та “машина” в пальцах, тот холодок от дозы. Это было мучительно. Я опять молилась, но молитва не шла: слова как будто прилипали к языку.

На другой день, когда инструктор вышла по делам, снова звонок в дверь. Открыв дверь, увидела, как потом поняла, “дьявола во плоти” – это был мой любимый парень из мира. Он пришёл уколотый и принёс дозу, и произошло то, чего я так боялась. Я даже не пыталась отказываться: второй раз он бы не предложил, но главное, второй раз уже не пришёл бы никогда.

Почему я решила, что это от дьявола? Да потому, что после первого укола он вышел и через пять минут, если не меньше, принёс ещё два куба. Нам стало хорошо, никаких проблем. Закрылись, закурили. В дверь звонили, стучали, но я не хотела открывать, я боялась, что всё закончится – закончится эта тишина, покой и целая пачка сигарет. Курила одну за другой – такое ощущение, что я ими дышала.

Представляю, как Бог на всё это смотрел.

Теперь я мучаюсь, мне стыдно, даже не знаю, как выразить. А ещё я не знаю, как быть дальше. Тогда, когда была с Господом, казалось, я летала, а теперь хоть бы голову поднять. Обидно, попала в смертельную ловушку дьявола, как мышь на кожуру от семечки. Боюсь, что начну сомневаться в своём возвращении к Богу, боюсь обратиться к сёстрам из церкви. Буду молить Господа о пощаде».

Я дочитал последний листочек и аккуратно, даже с каким-то внутренним трепетом, положил его на место.

Дальше Наташка дневника уже не вела, наверное, утратила надежду.

За свой проступок она была исключена из реабилитационного центра. И вскоре вернулась к наркотикам, вообще переста-

ла общаться с верующими. Через полгода она умерла – покончила жизнь самоубийством, выпив таблетки. Перед этим они с подругой купили наркотики, и Наташка уколола ей «передозировку», от которой та скончалась.

Когда по просьбе её матери мы забирали Наташку из морга, там лежало ещё семь молодых людей, умерших от наркотиков. В гроб, по принятому в мире обычаю, её, как незамужнюю девушку, положили в белом подвенечном платье. Но мне запал в память её паспорт – он был совсем новый, ещё почти никаких отметок, ей шёл двадцать первый год – самое начало жизни...

Если оценивать Наталью буквой закона, то какая будет запись в книге её жизни? Наркомания, воровство, проституция, непреднамеренное убийство и, наконец, самоубийство – столько грехов, да ещё каких грехов на одну юную душу. Неужели и её любил Бог? Ладно, Бог – Он всех любит, и её тоже любил. Но люди – неужели такую могли любить люди? И могли, и любили. Не потому, что написано: «Возлюбите!», а потому что её легко было любить. Душевная искренность и отзывчивость в Наташке непостижимейшим образом умудрились совместиться с эгоизмом и злыми делами. Как выразился герой одного мультфильма: «Ну и что, что жадничаю, зато от чистого сердца!»

Она заразительно хотела любви, беззаветной любви, но сама не могла, да, наверное, никогда и не думала подарить такую беззаветную любовь. Она заразительно хотела счастья и радости, но пожертвовать чем-то своим для счастья и радости других ей даже не приходило в голову. Скорее всего, за стремление к светлому, за её мечты любили Наташку окружающие.

На стол собрали во второй раз и позвали меня ужинать. Действительно, что-то я засиделся, и стало неудобно перед гостьей: столько лет не виделась, а я всё не выхожу из своей комнаты. Галя, наверное, думает,

что никак не могу найти обещанный дневник. Ладно, пусть лучше так думает, а то совсем бестолково получилось, нашёл время читать.

После ужина, быстро отсканировав и распечатав, передал копию Гале. Она, взяв листочки, тоже не удержалась и тут же стала читать и перечитывать. И лицо её то освещалось внутренним светом, то омрачалось. Галя, дорогая Галя, теперь я понял, почему, узнав, что у меня есть конспект Наташкиного дневника, так дрогнул твой голос. Нет, не обиду ты вспомнила шебутную красавицу Наташку и встрепенулась, надкололась твоя душа. Поверь, дорогая Галина, мне было бы легче видеть, что ты всплакнула, как все бабы.

Наташка – это собирательный образ, но ведь не это главное, – главное, такая девушка могла жить, печалиться и радоваться, могла по девчачьей привычке вести дневник.

Я рассказал про судьбу одной девушки, всего лишь одной. Пожалуйста, не делайте обобщений, не ищите морали. Но когда случится у себя в городе или в деревне побывать на кладбище, пройдитесь вдоль могил последней четверти века – сколько там лежит молодых. И взглянув на одну из таких могил, подумайте, может, эта девушка была прообразом Наташки? Только подумайте, и ваша душа станет добрее.

страницы автора

ausvoi.ru/users/pogrebnyak
lit.lib.ru/p/pogrebnyak_n_i/
proza.ru/avtor/pogrebnyakn
soyuz-pisatelei.ru/index/8-9769

